

Константин Соловьев

“ВО ВКУСЕ УМНОЙ СТАРИНЫ...”

Усадебный быт российского дворянства
II половины XVIII - I половины XIX веков,
по воспоминаниям, письмам и дневникам.

Константин Соловьев
«Во вкусе умной старины...»

«PUBLISH-SELL-BOOK LLC»

2011

Соловьев К.

«Во вкусе умной старины...» / К. Соловьев — «PUBLISH-SELL-BOOK LLC», 2011

ISBN 978-1-4581-7520-5

Первый раз, когда открываешь эту книгу, бросается в глаза выражение «во вкусе». Сразу возникает вопрос – в каком таком «вкусе» и почему «умной старины»? Оказалось, что это весьма удачное название для книги, в которой рассказывается о том, как организовывали свой домашний быт люди, жившие в нашей стране в позапрошлом веке. Точнее сказать, речь в книге идет о конце XVIII – начале XIX веков.

ISBN 978-1-4581-7520-5

© Соловьев К., 2011
© PUBLISH-SELL-BOOK LLC, 2011

Содержание

Деревня, усадьба, подмосковная	5
Очерк I	8
Очерк II	12
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Константин Соловьев

"Во вкусе умной старины..."

Деревня, усадьба, подмосковная (вместо введения)

Усадебная жизнь русского дворянства – удивительный культурный феномен, строго ограниченный во времени и пространстве. Это наше отечественное явление, возросшее на российской культурной почве и подпитываемое живой национальной традицией. Но это еще и отечественный вариант общеевропейской культуры рубежа XVIII–XIX веков.

Усадьба, как особая разновидность загородного дома, появилась, видимо, в XVII веке. Тогда существовали две основные формы феодальных владений: вотчина и поместье. Вотчины – родовые земли бояр – находились в полной их собственности и служили основой их богатства и могущества. К началу XVII века бояре добились важнейшей для себя привилегии: вотчинные земли опальных и казенных бояр должны были оставаться в семье, а не забираться в «казну», что еще более отделило вотчины от поместий, даваемых дворянам только за службу и только на время службы.

В отличие от крупных европейских феодалов, бояре не жили в своих вотчинах. И на Руси не было феодальных замков. Центр интересов российских бояр – город. Тут велась торговля всем, что производилось в вотчине, здесь же – государственные должности, приносящие почет и дополнительную прибыль. А управлением многочисленных боярских владений занимались наместники, часто – грамотные холопы.

Усадьба же появилась как некое дополнение (и отчасти замена) вотчине. Она давалась во владение крупным чиновникам, живущим в столице, чтобы длительные отлучки в родовые имения не отвлекали важных людей от их государственных забот. Иногда на полученных подмосковных землях строился боярский дом, где боярин "усаживался" как в городе – с двором и дворней, амбарами и промыслами, приносящими доход. Но постоянно там не жили и там. В усадьбах «гостили»: приезжали на пару недель присмотреть за хозяйством и отдохнуть. Боярские подмосковные не держались в семье подолгу: смерть боярина, опала, перемена власти – и пожалованное имение отбиралось, переходило к другому приближенному.¹

Дворяне же – помещики, обязанные являться по требованию царя на военную службу «конно, людно и оружно», в перерывах между войнами и призывами на смотр, жили в своих деревеньках. Но особой «поместной» бытовой культуры ни в XVI, ни в XVII веке не выработалось. Жизнь поместных дворян во всех ее важнейших проявлениях (дом, одежда, язык, еда, питье, взгляды и привычки) практически ничем не отличалась от жизни богатых крестьян, однодворцев, или управляющих боярскими вотчинами.

Петр I в своем стремлении поставить все сословия на службу государству «выдернул» бояр из родовых гнезд, а дворян из их поместий (покидать которые «для-ради» царской службы им становилось все труднее). Попутно он уничтожил разницу между вотчиной и поместьем, и сохранил за дворянским владением лишь одну функцию: обеспечивать дворянина – офицера или чиновника – всем необходимым на протяжении его пожизненной службы Отечеству. Вот тогда и началась новая история усадьбы – деревенского дома городского (по своим взглядам и

---

¹ Подробности об эволюции понятия «усадьба» в XVI–XVIII вв. см.: ТИХОНОВ Ю.А. Подмосковные имения русской аристократии во второй половине XVI – начале XVIII вв. // Дворянство и крепостной строй России в XVII – первой пол. XIX в. М., 1976. ВОДАРСКИЙ Я. Е. Дворянское землевладение в России. М., 1988; ШЕРЕДЕГА В.И. Древнерусская подмосковная усадьба XVI – XVII вв. //... в окрестностях Москвы. Из истории русской усадебной культуры XVII–XIX вв. Гл. 1. М., 1979.

привычкам) человека. Два поколения дворян не имели возможности жить в своих поместьях. За это время они усвоили (частично) европейские знания быт и привычки, но не успели забыть, что их настоящий, их подлинный дом – в деревне.

В 1736 году срок службы дворянина был ограничен 25 годами, и сорокалетние отставники могли спокойно отправляться в сельские дома доживать свой век. В 1762 году император Петр III "Указом о вольности дворянства" освободил их от обязательной государственной службы. Жизнь дворянина стала его частным делом и постепенно начала перемещаться поближе к источникам дохода, туда, где жить проще и дешевле – в деревню. К этому времени дворянское сословие устоялось, перемешались вотчинники и помещики, новые и старые дворяне. Официально дворянство делилось на четыре категории: титулованные, столбовые, выслуженные и личные. Первые три представляли собой плотно сшитую родственными и служебными связями материю. По большому счету все сколько-нибудь известные в нашей истории дворянские фамилии находились друг с другом пусть в отдаленном, пусть полумифическом, но родстве. Их быт с середины XVIII века усредняется и типизируется: постепенно уходит в прошлое непомерная роскошь вельмож и полукрестьянская жизнь мелких помещиков.

«Жалованная грамота дворянству» подписанная императрицей Екатериной II в 1785 году, закрепила за ними право создавать дворянские общества, избирать уездных и губернских предводителей. С этого времени, провинциальное дворянство постепенно превращается в «собрание людей (...) связанных сознанием общих интересов, имеющее определенные права и обязанности, имеющее цели, выходящие из уровня только обыденных хозяйственных, домашних забот»².

Массовое строительство усадеб началось в 60-е – 80-е годы XVIII века, «когда их владельцы не только прочно оседают в своих поместьях, но и обращают больше внимания на развитие сельского хозяйства...»³. При этом в деревню вернулось совсем не то дворянство, какое уходило на государственную службу полвека назад. Оно прошло через войны и победы, узнало столицу и за границу, получило образование и значительно расширило свой кругозор. Можно сказать, что из деревни ушло русское дворянство, а вернулось – европейское. Новый опыт (государственной службы и европейских привычек) совмещенный с традициями русской деревенской жизни и сформировал уникальную культурную среду – дворянскую усадьбу.

Возвращаясь в деревню, дворянство не собиралось забывать о своей роли в обществе и о своем призвании к государственной службе. Частная жизнь по-прежнему не имела самостоятельного значения⁴. Не служить (в гвардии, в армии, на флоте или уж, так и быть, «на гражданском поприще») считалось не престижно и неприлично. Поэтому усадебная жизнь делилась на два периода: детство как приготовление к службе и отставка как воспоминание о службе. Отдав долг Отечеству, дворянин должен был выполнить свои обязанности перед семьей и своим родом. Понятия дворянской и родовой чести в усадебной жизни не только не отмирали, но и обретали гораздо большее значение, чем на службе.

Быт русской дворянской усадьбы был сложным. В нем переплетались разные традиции и влияния. Многие дворянские семьи переезжали в деревню на лето, а зиму предпочитали проводить в городе. Широкое распространение этого обычая привело к появлению «подмосковных» – деревень (и усадеб) приобретаемых специально для летней жизни. «Городские» по своей природе привычки и условности отчасти переносились в деревню. Однако решающее

² ЧЕЧУЛИН Н.Д. Русское провинциальное общество во второй пол. XVIII в. СПб., 1889. С. 88–89.

³ ИЛЬИН М.А. К вопросу о русских усадьбах XVIII в. // Русский город. Вып. 4. М., 1981. Цитируемый автор относит эти действия к самому началу 80-х гг. Однако есть и другая точка зрения, согласно которой массовое строительство усадеб началось уже в 60-е годы XVIII в. См. напр.: «... в окрестностях Москвы». С.139.

⁴ «Самодовлеющая ценность чина, ранга, должности, титула во всех сферах жизни дворянства (...) характеризовали сознание господствующего класса как сословно-статусное по своим жизненным ориентациям». – МАРАСИНОВА Е.И. Русский дворянин второй половины XVIII в. (социо-психология личности). // Вестник МГУ. Серия 8. История. 1991. № 1 С. 22.

воздействие на образ жизни в усадьбе оказывали другие факторы. Это русская природа средней полосы (лес, поле, речка) и связанные с ней удовольствия и развлечения. Это хозяйственные заботы. Это постоянное общение с крестьянами. Это тесный круг соседей и родственников, вне которого немислима деревенская жизнь.

Но была и еще одна особенность, определившая своеобразие быта русских помещиков конца XVIII – начала XIX веков: бесплатный труд крепостных. Недаром в середине прошлого века, еще при крепостном праве, но уже в пору кризиса крепостного хозяйства, культура дворянской усадьбы начинает разрушаться, и очень быстро – за 10–15 лет – изменится почти полностью. Отмена крепостного права и технический прогресс довершили начатое разрушение. В 1839 году маркиз де-Кюстин, путешествуя по России, еще застал все приметы старого барства, а в 1852-54 годах, когда Д. Благово записывал «Рассказы бабушки», черты усадебного быта воспринимались уже как бесконечно далекая старина. Прошло еще 15–20 лет и разрушение старого усадебного быта стало необратимым. На смену прежним барам пришли «новые помещики» – заводчики и дачники.

Очерк I Переезд

Переезд в деревню – событие, повторяющееся каждый год, но не перестающее от этого быть Событием. Городская застава была той границей, за которой человек менялся, и менялся очень существенно. Дух горожанина – театрала, любителя банкетов и светских развлечений – в деревню не проникал. Он оставался бродить по комнатам опустевшего городского дома вместе со сквозняками и парой оставленных слуг. Он шуршал «в шкапу» городской одеждой и, отражаясь в пыльных зеркалах, ждал декабря. В деревню ехал сельский житель: рачительный хозяин, лично наблюдающий за полевыми работами; строгий господин своих крестьян, беспристрастно разбирающий жалобы и споры; сентиментальный любитель природы и сельских видов; страстный охотник и уставший от светской жизни любитель сельской простоты.

Реальная простота, дешевизна деревенской жизни имела большое значение для той части дворянства, которая именовалась мелкопоместной. Для них – владельцев лишь нескольких десятков крестьянских душ – столичная и, в целом, городская жизнь была разорительна. А жизнь в Москве с ее барством и хлебосоличеством разорительна вдвойне⁵.

Превращение городского жителя в сельского происходило в дороге. Но и сама дорога означала иную, совершенно особенную жизнь. Современный человек почти не живет в пространстве. Мы ценим время, а в пространстве только перемещаемся, стараясь делать это быстро и незаметно. Но 200 лет назад ужать пространство до нескольких часов было невозможно. В нем приходилось устраиваться. Сравнительно быстрый способ перемещения – на почтовых, с переменой лошадей на каждой станции, в частной жизни мог быть пригоден разве что для Хлестакова – «сосульки и вертопраха» в чине коллежского регистратора. При крайней необходимости так добирался к умирающему дядюшке Евгений Онегин. Почтовых лошадей подавали «по чинам», в первую очередь курьерам и чиновникам, путешествующим «по казенной надобности». Отставной поручик, едущий по собственной надобности, мог дожидаться свободных лошадей и неделю, бранясь со станционным смотрителем, кляня тараканов, сучая и радуясь любому новому лицу. Помещику же, выезжающему из города со множеством вещей, перевозимых в «подмосковную» тащиться на почтовых было совсем не с руки. Поэтому в деревню ехали «на долгих» – на своих. А «долгими» они назывались потому, что груженные экипажи никто не гнал, лошадям давали отдохнуть на каждой станции. Путь мог быть и близок, да долгие по времени.

Итак. За неделю или больше до отъезда начинались сборы: готовились вещи и еда в дорогу, приводился в порядок городской дом, подновлялись экипажи. Из деревни вызывались лошади, на дорогу закупался корм. Отъезжали, чаще всего, после Николина дня, то есть 9 мая⁶. На то были свои причины. Во-первых, лошади. Помещик Иванчин-Писарев для переезда в деревню использовал 21 лошадь⁷. Помещика Головина – 76 лошадей⁸. Бывали «поезда» и побольше. Забрать такое количество лошадей из деревни в апреле – значит сорвать сев. Значит надо ехать либо до полевых работ, либо в их промежутке. Княгиня Дашкова, не желавшая

---

⁵ «Итак, мы перебрались в Москву, где жили в доме князя (Урусова – авт.), летом ездили с ним в деревню его Александровское (иначе Долголядь). Сим только способом родители мои могли употребить свои доходы, состоящие из 5000 р., на наше воспитание, крайне умеряя себя во всех своих издержках». – МУРАВЬЕВ-КАРСКИЙ Н.Н. Записки. // Русские мемуары. 1800–1825. М., 1989. С. 76.

⁶ БЛАГОВО Д. Рассказы бабушки. Л. 1980. С. 49.

⁷ Там же. С. 81.

⁸ ШУБИНСКИЙ С.Н. Очерки из жизни и быта прошлого времени. XVIII – начало XIX в. СПб., 1888. С. 138.

жить в Москве подолгу, уезжала в Подмоскowie в марте – по санному пути. Большинство же помещиков отправлялись в деревню в мае, когда сев заканчивался.

Во-вторых, Москва так просто не отпускала. Первого мая в Сокольниках, «в немецких столах», еще со времен Петра I проходило самое престижное гулянье – в экипажах. Вот как описывает его очевидец:

«Сколько народу, сколько беззаботной, разгульной веселости, шуму, гаму, музыки, песен, плясок... сколько щегольских модных карет и древних, пра-прадедовских колымаг и рыдванов, блестящей упряжки и веревочной сбруи, прекрасных лошадей и претощих кляч, прелестнейших кавалькад и прежалких донкихотов на прежалчайших росинантах!»⁹

На следующий день, 2 мая, назначались скачки с участием лучших московских наездников. Пропустить этот праздник – все равно, что потерять год: себя не показать, других не увидеть. Поэтому и ждали до мая: сначала гулянье, потом – отъезд.

В-третьих, апрельские дороги были, как бы это сказать, не для путешествий. Шоссе в России было только одно – из Петербурга в Москву. В XVIII веке оно было покрыто широкими и толстыми досками, в начале XIX-го – щебнем. Остальные дороги были грунтовыми. Путешествие по ним в весеннюю распутицу выглядело, судя по письму Марты Вильмот, так:

«Лавируя, карета продвигалась вперед почти без дороги (если не считать колеи, оставленной небольшими грязными повозками), и нас било, вертело, трясло, стучало, бросало из стороны в сторону. Вдруг лошади поднялись на дыбы, рванули – и мы все до единого очутились в болоте... с которым мы сражались в течение 5 часов под звон московских колоколов»¹⁰.

А вот другое описание весенних дорог: на Пасху 8 апреля 1778 года компания московских дворян отправилась в поместье графа Орлова Остров. «Дорогою была великая грязь, и переломилась ось» – меланхолично записал один из путешественников¹¹.

В-четвертых – реки. Путешествующий в апреле «по казенной надобности» А.М. Фадеев переправлялся через Оку: «Мы должны были пересидеть целый день в отвратительной грязной мужичьей избе в ожидании, пока разойдется лед»¹². Те же, кто ехал по своим делам переждать ледоход предпочитали в городе.

Отъезд в деревню сопровождался определенным ритуалом. Чаще всего – молебном. Иногда отъезду предшествовало поклонение святым мощам в кремлевских храмах. Внешний вид «поезда» – поставленных друг за другом различных экипажей – зависел, помимо обеспеченности помещика, от меры удобств, которым он хотел располагать в дороге, его официального положения и личных привычек. Перед двадцатью экипажами помещика Головина везли чудотворную икону Владимирской Божьей Матери¹³, а страстный охотник Нащекин окружал свой обоз одетыми в гусарские костюмы конными лакеями, впереди пускал слугу с трубой, подававшего сигналы к остановке и продолжению движения поезда¹⁴. Граф Бутурлин ездил в свое село Белкино отдельно от семьи, в сопровождении двух камердинеров, библиотекаря, доктора или живописца¹⁵.

Обычно дворянин ездил в карете, запряженной двумя – шестью лошадьми цугом (то есть друг за другом или пара за парой), с фореитором и лакеями на запятках. Обычай этот утвердился к концу XVIII века. Еще в 60-е годы этого столетия, как писал А.Т. Болотов, в провин-

⁹ ЖИХАРЕВ С.П. Записки современника. Т.1. Л., 1989. С. 81.

¹⁰ Письма сестер М. и К. Вильмот из России. С. 274.

¹¹ Похождения монаха Палладия Лаврова. // Русский архив. 1878. Кн. 2. № 8. С. 449.

¹² ФАДЕЕВ А.М. Воспоминания. // Русский архив. 1891. Кн. 2. С. 29.

¹³ ШУБИНСКИЙ С.Н. Указ. соч. С. 138.

¹⁴ НАЩЕКИН П.В. Воспоминания. // Прометей. № 10. М. 1974. С. 289.

¹⁵ БУТУРЛИН М.Д. Записки. // Русский архив. 1897. Кн. 1. С. 238.

ции карет почти не было. У него самого «было две старинных и староманерных коляски, из коих одна была большая четвероместная, но с какою и показаться никуда было не можно, а другая, такая же и поменьше, и полегче, и так как бы визави, двуместная и образом своим не лучше первой»¹⁶. А в начале XIX века карета стала обязательной принадлежностью дворян, и даже «всякий, чуть маломальский поразжившийся чиновник в подражание дворянству, прежде всего, обзаводился каретою, таков был уж обычай»¹⁷.

У зажиточного помещика отдельная карета или фаэтон был для каждого члена семьи. Мелкопоместные располагались в линейях (или линейках) – шести-восьмиместных экипажах «с подобием крыши и занавесками от дождя», которые тащили шесть – восемь лошадей. В богатых семействах в линейках размещали воспитанников и воспитанниц, учителей и гувернеров, камердинеров и камеристок. Вся дворня – главным образом сенные девушки, ехали в бричках и фурах, нагруженных всем, что может понадобиться в дороге. Так что для поездки «на долгие» нужно было готовить самое малое 3 экипажа, а чаще – около десятка. Гордость помещика составляли особенные экипажи, каких не было ни у кого другого. У Нашекиных 16 лошадей тащили буфет: «видом... огромный, квадратный кованный сундук на колесах»¹⁸. В этом буфете везли дорожный серебряный сервиз и вина «на льду». В обозе княгини Дашковой был свой «сундук» на колесах. На стоянках он раскладывался в кровать¹⁹. В семье Д.Н. Толстого в обоз включали пустые легкие дрожки – для переезда через мосты, «когда грязь мешала делать это пешком»²⁰.

В карете через мост не переезжали из соображений безопасности. Русский национальный способ переезжать мелкие реки и овраги дрожащей рукой описал маркиз де Кюстин:

«Вначале спуска лошади идут шагом, но вскоре, обычно в самом крутом месте, и кучеру и лошадям надоедает столь непривычная сдержанность, повозка мчится стрелой со все увеличивающейся скоростью и карьером, на взмыленных лошадях, взлетает на мост, то есть на деревянные доски, кое-как положенные на перекладины и ничем не скрепленные... Одно неверное движение кучера – и экипаж может очутиться в воде. Жизнь пассажира зависит от акробатической ловкости возницы и лошадей»²¹.

Если же брички в поезде не было, а грязь наличествовала, слуги несли господ на руках²².

В подмосковную ехали не торопясь: 25 верст преодолевали за 3 дня, сто – за неделю²³. По ровной дороге лошадям могли пустить рысью, в гору – шагом. Иногда прогуливались по лесу, по берегу реки. Через 10–15 верст делали остановку. Для этого заранее отправляли брички с кухней и припасами. В холодную погоду располагались на постоялом дворе, в теплую – на природе. И в том, и в другом случае еда была своя. Вот примерный перечень заготовленного в дорогу: жареные телятина, гусь, индейка, утка, пироги с курицей и фаршем, сдобные калачи, запеченные с целыми яйцами²⁴. В какой-нибудь соседней деревне покупали молоко, сливки, хлеб, гусей или кур. В красивом месте ставили палатку – полотняную с деревянными рамами.

¹⁶ БОЛОТОВ А.Т. Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные им самим для своих потомков. Т. 2. М., 1931. С. 281.

¹⁷ СЕЛИВАНОВ В.В. Сочинения. Т. 2. Владимир, 1902. С. 73.

¹⁸ НАШЕКИН П.В. Указ. соч. С. 290.

¹⁹ Письма сестер Вильмот... С. 264.

²⁰ ТОЛСТОЙ Д.Н. Черты старинной помещичьей жизни. Памятная книжка Воронежской губернии на 1894 г. Воронеж, 1894. Отд. III. С. 35.

²¹ КЮСТИН Астольф де Николаевская Россия. М., 1990. С. 217.

²² СМЕРНОВА-РОССЕТ. А.О. Воспоминания. Письма. М., 1990. С. 43.

²³ ТОЛСТОЙ Д.Н. Указ. соч. С. 36.

²⁴ СЕЛИВАНОВ В.В. Указ. соч. С. 127.

Внутри располагали ковры, стулья, столы и кресла. Ночевали в экипажах или в особых «калмыцких» палатках из войлока²⁵.

Неторопливое продвижение дворянского поезда со всем необходимым для жизни в нем подчеркивало частный характер данного действия. Ехал свободный человек, на своих лошадях и в свое поместье. Ему не надо бить кучера в шею, не надо зависеть от станционных смотрителей, не надо завидовать важным персонам, в проносящихся вихрем экипажах. Он отделен от государства, он даже не едет, а живет в дороге так, как ему нравится. Впереди – усадьба, где свободы меньше и где высока мера ответственности – за себя, за семью, за крестьян. Вот обелиск, обозначающий границу поместья, вот еще один – у въезда во двор, вот липовая аллея. Приехали. Дома.

---

²⁵ БЛАГОВО Д. Указ. соч... С. 84.; ТОЛСТОЙ Д.Н. Указ. соч. С. 30; НАЩЕКИН П.В. Указ. соч. С. 291.

Очерк II

Дом

Помещичья усадьба – это целый мир, причем мир замкнутый, цельный, самодостаточный. Это небольшая страна. В нем есть все, что необходимо стране: территория и границы, реки, леса, поля и пашни, население и власть, экономика и культура. Каждый элемент усадьбы входил в нее по принципу необходимой достаточности, то есть так, чтобы сделать усадьбу полной, завершенной. Помещик мог пять лет строить церковь, десять лет не отделять почти готовый дом, но беседку он построит обязательно, и назовет ее «Приют уединения», и посадит аллею к ней, потому что без этого мир его будет «неправильный», не помещичий, недворянский.

До середины 18 века дом дворянина был именно домом, жилищем, устроенном не напоказ, а для себя, удобно и традиционно. В России издревле обживали не столько дом, сколько двор, где были и все хозяйственные постройки, и огород с садом. Сам дом не имел при этом самостоятельного значения. И еще в конце XVIII века, особенно в провинции, усадьбы «хозяйственного типа» не были редкостью. Они описаны И.Е. Забелиным: жилая комната представляет собой «избу», построенную вторым этажом над нежилым подклетом, имеет большие «красные» окна, теплый насыпной земляной потолок и печку. Если изб было несколько, они соединялись сенями в «хоромы». Получался большой дом, в котором теплые помещения чередуются с «летниками». Сени отличались от комнат тем, что в них не ставились печи и окошки прорубались маленькие. Общий вид «боярских хором», согласно Забелину, таков: «хоромы состояли преимущественно из трех этажей: внизу подклеты, в среднем житье или ярусе – горницы, повалушки (комната, специально пристроенная с фасада и выполнявшая роль зала, светлицы); вверху – чердаки, терема, вышки»²⁶.

Принцип "соборного" строительства, при котором отдельные комнаты «собираются» – соединяются сенями – позволял произвольно расширять дом по мере надобности. Например, зимний деревянный дом Д.Н. Толстого сначала состоял из 5 комнат, а затем, одна за одной, были пристроены еще три²⁷. В мемуарах упоминается два типа такой постройки. Один – «двоенка» – две избы, соединенные сенями, стоящие прямо на земле²⁸. Дом другого типа был у помещицы А.Н. Нестеровой – старинный, построенный на подклете и из необработанных дубовых бревен в сажень вышиной и с тесовой крышей. Семь комнат образовались при соединении теплых горниц холодными сенями прихожая, передняя, лакейская, зала, гостиная, спальня и девичья, выходящая на заднее крыльцо²⁹.

Место постройки определялось в первую очередь хозяйственными нуждами. Болотов, описывая жилище своего соседа и недруга Рахманова, упоминает, что дом его был на косогоре «в прескверном месте и не значащем ничего»³⁰

---

²⁶ ЗАБЕЛИН И.Е. Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетиях. Кн. 1. М. 1990., С. 65.

²⁷ ТОЛСТОЙ Д.Н. Указ. соч. С. 28.

²⁸ БОЛОТОВ А.Т. Указ. соч. Т. 2. С. 242.

²⁹ СЕЛИВАНОВ В.В. Указ. соч. Т. 1. С. 131.

³⁰ БОЛОТОВ А.Т. Указ. соч. Т. 2. С. 335.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.